РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА ВКП(Б) И МНРП ПО ОТНОШЕНИЮ К БУДДИЗМУ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ)

В Д. Дугаров, Н.Ц. Сагаев

Изучение взаимоотношений СССР и МНР и историографическое обобщение исследований советско-монгольских отношений в образовательной и религиозной сферах в первой половине XX века является актуальным направлением отечественного монголоведения.

Современное состояние отечественного монголоведения характеризуется тем, что процесс осмысления пройденного пути, пересмотра устоявшихся концепций и оценок прошлого породил большую разноголосицу в исследованиях российских обществоведов[1].

Как отмечает зав. сектором Монголии ИВРАН д.и.н., проф. В.В. Грайворонский: «Так до недавнего времени в советском монголоведении, да и в общественных науках Монголии, преобладала тенденция к недооценке уровня культуры развития монголоязычных народов в дореволюционный период, что принижало их роль в мировой истории»[2].

Система монастырского обучения: «сложившаяся при маньчжурском господстве (конец XVII в. - 1911 г.), совершенствовалась и расширялась, но по сути дела, вплоть до 1921 г., монастыри продолжали оставаться главным, если не единственным очагом просвещения»[3].

Сохранение исторических традиций и актуальное значение в изучении огромного историографического наследства на языках и диалектах монголоязычных народов, прозорливо отмечал еще выдающийся бурятский ученый Г.Ц. Цыбиков: «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, какова бы она не была, все же есть наследие культуры данной национальности и имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу. Круто порывать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере»[4].

Профессор Л.Л. Абаева отмечает, что богатые духовные традиции монголоязычных народов требуют того, что: «Современные этносоциальные и этнокультурные процессы в своем контексте фиксируют большую степень ассимиляции традиционных структур культуры, а также изменения некоторых аксиологических характеристик и параметров религиозной культуры, как в общих чертах, так и в локальных вариантах. При этом, именно, религиозная культура и все ее характеристики являются наиболее законсервированными и мало изменившимся структурами внутри традиционной культуры»[5].

После победы народно-демократической революции Монголия не располагала даже самой элементарной материальной базой для развития европейского культурного строительства, не имела подготовленных светских кадров учителей.

В 1926 г. в МНР был утвержден Закон об отделении религии от государства, по которому, ламаистская церковь лишалась возможности вмешиваться

[1] История Монголии XX в. М., 2007. С. 11.

[2] *Грайворонский В.В.* Вклад монголоязычных народов в мировую цивилизацию / История и культура народов 1 (ентральной Азии. Улан-Удз. 1993. С.4

[3] *Балдаев Р.Л.* Народное образование в Монгольской Народной Республике. М., 1971. СЮ.

ЧЫбиков Г.Ц. Избранные труды М., 1981.Т.2. С. 181.

[5] *Абаева Л.Л.* Традиционные этнические интересы и современная культурная компетентность бурятских диаспор за рубежом (итоги научного проекта «Бурятские диаспоры в контексте современных зтнических и этнокультурных процессов») // Монгольский мир: новый век - новые вызовы. (Улымжиевские чтения- TV): мат. Всеросс. науч.-практ. конф. (24-25 - июня 2010г.). Улан-Удз, 2011, С.49

в государственные и гражданские дела. Антицерковные мероприятия (особенно взимание налогов) вызвали открытые выступления лам в ряде монастырей. Настороженность коминтерновских и советских работников в Монголии вызывала и недостаточная «жесткая» линия в отношении ламства.

Весьма невыдержанными представлялись высказывания одного из идеологов партии Ц. Жамцарано о религии. Он считал, что буддизм не противоречит партийной идеологии, и призывал «развивать религию в чистоте». В законе о религии, в частности, говорилось: правительство, «уважая религию Шакья-муни, гарантирует законом почитание религии, ее распространение и свободу религиозных проповедей»[1].

В поисках путей совмещения существующей монастырской школы и формирующейся новой европейской системы образования прошли 20-30-е годы XX века в Монголии. Наиболее остро общественная мысль бурят - монголов будировала по вопросу языка и письменности, сохранения национальной самоидентичности монголоязычного мира. Идея о культурной и языковой общности номадных народов доминировала до конца 30-х годов. Бурят-монгольская интеллигенция в области языкового строительства до массовых репрессий 30-х годов исходила из мысли о необходимости создания единого общемонгольского литературного языка.

Считаем верной устоявшуюся в историко-политологической науке мысль, что разногласия, существовавшие среди бурятской интеллигенции по вопросам языка и письменности, переход на единый алфавит, объяснялись общей отсталостью экономического и общественного развития Бурят-Монголии и Монголии в досоветский период.

Как большое достижение в формировании светского образования и науки в Монголии, в советской историографии трактовалось: «вытеснение» к концу 30-х годов монастырской школы, ставшее историческим достижением монгольского народа на пути его освобождения от религиозной кабалы, на пути строительства новой национальной культуры. Однако работа по ликвидации неграмотности в стране отставала от требований жизни. В 1940 г. грамотных среди населения было немногим более 20%».[2]

В российской монголоведной историографии на рубеже XX -XXI веков, и обсуждения с монгольскими учеными в области гуманитарных наук, часто с через чур полемичным задором, становятся актуальными вопросы: «Замены старомонгольского алфавита новым, составленным на основе кириллицы. Многозначный уйгурский алфавит, которым пользовались в Монголии еще с X века, был весьма труден для усвоения. Особенно людьми пожилого возраста. Учитывая это обстоятельство, Совет Министров и Президиум ЦК МНРП в марте 1941 г. приняли постановление о введении нового алфавита на основе русской графики и арабских цифр»[3].

Идеологическая составляющая этого решения, принятого при непосредственном участии советского руководства, выражена была в следующем заявлении: «Русский алфавит более близок монгольскому народу, чем чуждый для него старомонгольский». Однако нельзя не согласиться с аргументами, приведенными Х. Чойбалсаном, выступившим 11 мая 1941 г. на заседании правительства по вопросу о проекте нового алфавита. В пользу его принятия: монгольская письменность, созданная на основе уйгурского алфавита, сильно отличалась от разговорного монгольского языка; вертикальное направление письма делало невозможным печатание учебников для школы по физике, арифметике и естествознанию.. ..Руководство страны считало, что новая письменность поможет быстрому овладению грамотой, приблизит литературный язык к разговорному и приобщит монголов к богатству знаний. Серьезным доводом в пользу нового алфавита был также тот факт, что «вся революционная литература, нужная нашему свободному народу, имеется на русском языке, и большинство национальных кадров с высшим образованием, необходимым в народном хозяйстве», готовится в Советском Союзе[4].

В связи с переходом на кириллицу были составлены и изданы новые орфографические правила, орфографический словарь и учебная грамматика.

В ноябре 1941 г. ЦК МНРП принял постановление «Об обучении трудящихся масс новой письменности». Развернулась активная работа по его реализации, в результате чего в стране заметно увеличилось количество грамотных людей.

[1] История Монголии. XX век. М., 2007. С.78-79.
[2] Монгольская Народная Республика. М., 1986. С. 344
[3] Там же.
[4] История Монголии XX век. М., 2007. С.164-165.

В советско-монгольской историографии доказывалось, что «Новый алфавит, не нарушая преемственности самобытной культуры Монголии, способствовал повышению качества обучения в общеобразовательной школе, во многом содействовал ликвидации неграмотности взрослого населения. Уже к 1947 г. количество грамотных среди населения возросло до 42, 2%, что дало возможность с 1950 г. перевести все государственное делопроизводство на новую письменность[1].

Эти цифры заметно разнятся от итоговых цифр, которые даются в современной монголоведной науке в работе «История Монголии XX век». В таблице 2, на странице 165 отмечается:

Повышение уровня грамотности населения[2]

	1935 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.
Численность населения в возрасте от 9 до 50 лет, тыс.чел.	497,0	528,3	441,8	508,9
Из них грамотные - всего, тыс. чел.	36,2	127,9	263,4	374,2
В том числе: Мужчин женщин	 33,3 2,9	 105,2 22,7	 171,1 92,3	 213,8 160,4
Процент грамотности населения	7,3	24,2	59,6	73,5

В то же время, в советской монголоведной науке утверждалось, что «Введение нового алфавита было событием большого культурного, общественного и государственного значения. Новый алфавит, не нарушая преемственности самобытной культуры облегчил обучение грамоте. Он сыграл важную роль в культурном подъеме страны, способствовал повышению качества обучения в школах и росту грамотности населения»[3].

Перевод на новую графику, которое без сомнения было важным положением в образовательной политике МНРП того периода, но оно вступало в определенное противоречие с многовековой культурой монголов, письменность которой была построена на уйгурском чистописании. Отказ от традиционного письма, во многом привел к потере огромного многовекового духовного богатства монголоязычных народов.

Физическое уничтожение буддийских священнослужителей (ламства) в 20-30-е годы XX века, как носителей образовательного и духовного начала, самым негативным образом сказалось на дальнейшем духовно-нравственном развитии монгольской этносферы.

Следует отметить, что при проведении этой антиламской политики, монгольские и советские репрессивные органы, в какой-то мере, использовали опыт проведения этой «борьбы» с ламством в Бурят-Монголии.

В начале 30-х годов при усилении борьбы с буддизмом на территории Бурятии, было использовано недовольство местного населения проводимой аграрной политикой и начавшейся антирелигиозной борьбой, когда население начинает объединяться вокруг дацанов.

В 1930 г. ЦИК БМАССР подготовил директивное письмо «О мероприятиях по усилению борьбы с ламством», исходя из которого, была выработана целая система «комбинированных мероприятий культурно-социального, политического и экономического характера». Суть этих мероприятий выражалась в одновременном комплексном нажиме на ламство с использованием методов экономического воздействия и прежде всего налогообложения.

В том же 1930 г. СНК БМАССР подготовил инструкцию «По учету и обложению ламства», в которой говорилось, «что по классному обложению налогом подлежат все без исключения ламы» достигшие 18-летнего возраста, независимо от занимаемого положения в религиозном обществе как в дацане, так и вообще на территории аймака по группам VI и VII категории Б». (К группе VI категории Б относятся все ламы, независимо от занимаемой должности, если они непосредственно участвуют или по своему положению могут участвовать в совершении религиозных обрядов; к группе VII категории Б относятся все остальные лица, так или иначе причастные к ламству - ученики, мелкие служители). Кроме обложения по факту принадлежности к Буддийской конфессии, ламство облагалось налогом по совокупности доходов, если доход того или иного лица превышает установленный для данной местности необлагаемый налог.

Налогом также облагались сельхозугодия и строения (дацаны, хозяйственные постройки). Существовал еще культурный сбор в размере от 9 до 24 процентов в зависимости от суммы дохода и само-

[1] Монгольская Народная Республика. М., 1986. С. 344.
[2] История Монголии XX век. М., 2007. С. 165.
[3] *Балдаев Р.Л.* Народное образование в Монгольской Нар< Республике. М., 1971. С. 73.

обложения в размере 2000 процентов оклада подоходного налог'.

В начале 30-х годов внимание высшего советского руководства к монгольским делам заметно усилилось. Если раньше рассмотрение многих вопросов проходило через ИККИ, то теперь непосредственно через ЦК ВКП (б) и СНК СССР. В марте 1932 г. создается постоянная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К.Е. Ворошиловым - «для разрешения всех вопросов, касающихся Монголии»[2].

Начиная с 1932 г. И.В. Сталин неоднократно встречался с П. Гэндэном, избранным премьер-министром и министром иностранных дел на 17-й чрезвычайной сессии Малого Хурала летом 1932 г. В ноябре 1934 г. в ходе советско-монгольских переговоров в Кремле недовольство двух лидеров, вызванное взаимными разочарованиями, еще более обострилось.

Приезд монгольской делегации был связан с заключением джентльменского (устного) соглашения о взаимной помощи, но на встрече поднимался и ряд других вопросов. Первый - о ламстве, Гэндэн пытался показать всю сложность и специфичность этой проблемы, требующей осторожных, взвешенных подходов. Сталин выступил за решительное наступление на лам, используя методы их «постепенного окружения». Далее, Сталин настоятельно рекомендовал преобразовать ГВО («Государственная внутренняя охрана» (спецслужба безопасности учрежденная в июле 1922 г., начальник - Д. Намсрай) в МВД с соответствующим расширением функций. Гэндэн возражал - такая реорганизация «пока неуместна»[3].

В 1933 г. специальная комиссия правительства МНР, изучив уставы монастырей, включила в них пункт об обязательном обучении лам национальной грамоте. Лам, успешно сдавших экзамены, в целях поощрения освобождали от некоторых налогов. В том же году была начата планомерная работа по обучению низших лам национальной грамоте и проведению среди них политико-воспитательной работы. В 1935 г. в 40 кружках, созданных министерством просвещения, обучались грамоте 2 тыс. низших лам; из них 492 ламы успешно сдали экзамены. Это - важное направление культурных преобразований в Монголии[4].

В декабре 1935 г. П. Гэндэн направился в Москву в сопровождении Г. Дэмида и Д. Намсрая. 30 декабря состоялась их беседа с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, К.Е. Ворошиловым. Было, конечно, и согласие (в частности, по поводу предстоящего подписания Протокола о взаимопомощи), но во многом она носила печать расхождений и отчужденности. Камнем преткновения снова стал дамский вопрос. Вновь обнаружились разные подходы. Советские руководители прямо связывали обеспечение независимости Монголии с борьбой против ламства и ставили условием оказания помощи радикальное решение дамского вопроса. Гэндэну была непонятна такая постановка. Он, разумеется, был за независимость своей страны, за советскую помощь, но он был против крайних мер в отношении ламства, за умеренность. И он позволял себе спорить со Сталиным, не соглашаться с ним. А это было тогда уже слишком...»[5].

Несмотря на то, что был подписан Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 г., оказавший большое значение для внутренней и внешней политики МНР, был проведен мартовский пленум 1936 г., который осудил «политические ошибки» П. Гэндэна. Из ряда обвинений предъявленных премьер-министру, была нерешительность и непоследовательность в дамском вопросе. Он был выведен из состава ЦК МНРП, а 20-я сессия малого Хурала 22 марта освободила его от обязанностей премьер-министра и министра иностранных дел.

Еще до пленума и сессии в конце февраля, правительство приняло решение, которое так настойчиво рекомендовали в Москве и всячески оттягивал П. Гэндэн, - о реорганизации Государственной внутренней охраны в Министерство внутренних дел. Это не было простой сменой вывески. Полномочия нового министерства резко расширялись, его место в структурах власти становились чуть ли не центральным, контроль над его деятельностью если и был, то чисто номинальный. Министром внутренних дел по совместительству стал Х. Чойбалсан - «заслуженный руководитель нашей национальной

[1] *Курас Л.В., Дапзанова А.А.* НКВД и буддийские дацаны // Из истории спецслужб Бурятии (Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-лстию ВЧК-ФСБ). Улан-Удэ, 1997. С. 56.
[2] История Монголии. XX век. М.. 2007. С. 99.
[3] История Монголии. XX век. М., 2007. С. 100.
[4] *Балдаев Р.Л.* Народное образование в Монгольской Народной Республике. М., 1971. С.66.
[3] История Монголии. XX век М., 2007, С. 102.

революции», как отмечалось в постановлении сессии Малого Хурала. Х. Чойбалсан форсировано концентрировал всю полноту власти в стране, которая завершилась в марте 1939 г.

20-я сессия Малого Хурала утвердила новым премьер-министром А. Амара, на долю которого выпало, быть «ширмой» проведения репрессий в Монголии, так его функции в руководстве страной были ограниченны, все рычаги управления концентрировались в руках Х. Чойбалсана.

Ярким примером проводимой в Монголии политики со стороны советского правительства, была встреча Амара со Сталиным в декабре 1936 г. Советский руководитель настаивал на форсированном решении дамского вопроса: вы даете свое согласие убрать лам, и мы будем знать лучше, как быть. Амар был удручен. Он рассказывал находившемуся в Москве Б. Ринчену: «Я пытался объяснить Сталину, что это невозможно, но он не принял мои разъяснения. Как это можно - убрать 100 тыс. лам».

К сожалению, это оказалось возможным - к 1940 г. в МНР многотысячное могущественное сословие перестало существовать, исчезли сотни монастырей и храмов. Затронуто было не только ламство, поредели ряды интеллигенции, военных, репрессии в той иной степени коснулись всех слоев населения. Трагедия Амара в том, что «большой террор» пришелся именно на годы его правления, вопреки его воле и убеждениям. В итоге он сам стал жертвой репрессий[1].

О развертывании маховика репрессий в Монголии против ламства свидетельствуют обзорные материалы из архива ФСБ РФ по РБ «Дело № 509. с материалами Информации ГВО МНР за 1933-1937 гг.». «Фонд 3, опись 1 порядковый номер 1. Составлено в 1938 г.». В этих материалах представлены наиболее концентрированные документы по проведению многообразной репрессивной политики двух государств по отношению к крупнейшему сословию Монголии - ламству. В этих документах, мы выделяем, проводимые в середине 30-х годов экономические методы, когда до прямого физического уничтожения ламства карательные органы не дошли.

В обзорной справке датированной от 18 сентября 1936 г. «О налоговой политике в отношении ламства» (С. 102-109), подготовленной Главным инструктором ГВО МНР Чопиком, зам. Главного инструктора ГВО Валиком и инструктором СП О ГВО Кичиковым), отмечается: «Рассматривая борьбу с ламством в области налогообложения, как рычаг подрыва экономической мощи последнего, указывалось, что эти мероприятия должны преследовать цель — выкачивать от ламства ежегодно столько средств, сколько необходимо для того, чтобы - с одной стороны в действительности наносить удар по экономической мощи ламства; с другой - чтобы на данном этапе размер налогов НЕ ПРЕВЫШАЛ (Отмечено в справке- В.Д., Н.С.) действительной суммы доходов лам и не превращался в «левый загиб», это значит, что отклонения размера налогов в ту или сторону является одинаково вредным, поскольку в первом случае налоговое ослабление не достигает своей цели, во втором - приведет к политическим осложнениям.

С этой точки зрения ни джасский (джаса - монастырское хозяйство-В.Д.,Н.С), ни военный налоги, несмотря на перевыполнение их (план 1.450 тыс. - выполн. 1.918 тыс.) не приведены в соответствии с теми задачами, которые должны преследовать налоговое обложение ламства, ибо, по нашим скромным подсчетам, чистые накопления ламства в текущем году в денежном отношении равны приблизительно 14. 000. 000 тугриков.

Вывод из сравнения указанных цифр напрашивается сам собой: уровень налогов на ламство далеко не охватывает действительной суммы доходов ламства и не только не подрывает экономическую мощь ламства, но прямо-таки предоставляет ламству полнейшую возможность дальнейшего экономического укрепления.

Из этого следует сделать вывод о необходимости поднять цифру налогового обложения ламства в 2 раза. Предлагая такое увеличение налогов мы исходим из того, что такая цифра на сегодняшний день не вызовет политических разговоров в стране, а с другой стороны даст необходимое поступательное движение в налогов вопросе»[2].

В обзорной справке отмечается, и четко подразделяется, что «До сих пор в отношении ламства у нас было два вида налогов: т.н. «джасский» налог, т.е. налог на монастырские общинные хозяйства - «джассы» и военный налог, т.е. налог на индивидуальные доходы ламства.

Соотношение между этими двумя видами налогов в текущем году было такое: налог на «джассы» был определен в сумме 1.000.000 тугриков (факти-

История Монголии. XX век. М, 2007. С. 103.
Архив ФСБ по РБ. Дело № 509. С. 102-103.

чески взыскано - 1.057.000 туг.), а военный налог в сумме 450.000. туг. (фактически взыскано 880. 963 туг.). Вкратце соотношение между двумя видами налогов можно определить в 4,5 : 10 (плановое соотношение) или 8.8 : 10 (фактическое выполнение) - в пользу «джасского» налога.

Такое соотношение между этими налогами несомненно раньше было правильным. Именно в период, когда монастырские «джассы» имели большое скотоводческое хозяйство, являющееся главной основой экономики ламства и игравшее крупную роль в общем балансе хозяйства страны, но оно изменилось, когда произошли серьезные структурные изменения, когда основой экономики ламства стали не общинные, «джасские» доходы, а индивидуальные доходы каждого ламы»[1].

Этот анализ подкрепляется цифровыми аналитическими данными: «Цифры, которыми мы располагаем, дают такую картину:

а / За период с 1.1. 34 г. по апрель 1935 г. поступило доходов по линии «джасс»...4. 595.628 тут.

б / За тот же период поступило индивидуальных доходов ламства...23. 146.900 туг. Всего: 27.724. 528 туг.

Как видно, соотношение доходов ламства, поступающим по этим двум каналам, допустим даже, что нами допущено некоторое преувеличение уровня индивидуальных доходов / хотя такая опасность едва ли существует/, то и тогда общая картина не изменится.

Таким образом получается, что ламство по линии индивидуальной получает доходов в пять раз больше, чем по линии «джасс», в то же время, по линии индивидуальной взыскивается почти в два раза меньше налога, чем по линии «джасс».

Простой арифметический подсчет показывает, что - если бы мы захотели уровень индивидуальной нормы дамского налога довести немедленно до уровня «джасского» налога, то должны были бы сумму индивидуального налога увеличить примерно в 8-10 раз»[2].

Это предполагаемое увеличение налога на ламство, отражает, на наш взгляд, изменившуюся оценку на роли ламства в 1936 г. в хозяйственной и политической жизни страны, на продолжающемся нажиме со стороны советского правительства в увеличении репрессивной политики, о котором мы отмечали выше.

Исходя, из предполагаемого увеличения налогооблагаемой базы ламства, советские инструкторы полагают, что «практически следует соотношение обоих этих видов нужно коренным образом изменить, приведя их в соответствие с размерами объектов обложения с тем, чтобы индивидуальная форма налога была по размеру значительно больше, чем «джасский» налог.

Это тем более важно, что «ударение» на «джасском» налоге, которое делается сейчас, как это показал опыт, дает ламству повод антиправительственной агитации о том, что «аратская власть облагает религию», а в ряде аймаков (Южно-Гобийский, Обсо), ламы, разбазарив скот и деньги, в целях провокации, при взимании «джасского» налога, организовали распродажу с аукционного торга предметов религиозного культа (храмовой утвари, священных книг и т.д.), что давало аратству делать вывод, что «Народное пр-во действительно притесняет религию и доводит до распродажи предметов религиозного культа. Между тем, если мы будем делать «ударение» на индивидуальную форму налога на ламство, с учетом действительной доходности каждого ламы, то это даст аратству меньше оснований для антиправительственной и антиналоговой агитации ламства»[3].

Закон о военном налоге от 8.II. 35 г. МНР предусматривал обложение всех лам от 18 до 45 лет, допуская исключение только для тех из низших лам, которые занимаются извозным и кустарным промыслами или вообще по своей платежеспособности не могут быть обложены никакими налогом.

Поэтому, пишут советские инструкторы «Исходя из того, что каждый арат проживает на территории государства, относящимся к непризывным контингентам, должен нести некоторую материальную повинность перед государством, обложение ламства военным налогом нужно считать принципиально правильным.

Весь контингент лам, привлекаемых к обложению, закон этот подразделяет на три разряда:

Первый - крупные ламы феодального значения, а также ламы живущие за счет эксплоататорских доходов (ростовщичество и т.д.) - налог в размере Туг. 70.

Второй - «ламы, не входящие в предыдущий разряд, источником существования коих являют-

Там же. С. 104.
Там же.
Там же. С. 105.

ся регулярные пособия родственников и живущие обычной монастырской жизнью» - с налогом в размере .. Туг. 30.

Третий - «Все остальные ламы, не входящие в указанные два разряда, живущие в монастырях, а также вне их. Основным источником существования коих является работа по найму и вообще низшие ламы» - с налогом в размере ...Туг. 5.

Чтобы показать какие реальные очертания получил этот закон на практике - приведем следующую таблицу:

Категории	Обложено военным налогом в 1935г.	% отношения лам различных категорий	Предусмот. военный налог по госбюджету 1935г.	Фактич. взыскано в 35 году	% соотн. Суммы налогов по категории
По 1-3 категор.	345	0,8	-	25410	2,8
По 2-й *	17823	45,6	-	7038	79,5
По 3-й*	20862	53,6	-	156830	17,7
Всего	38030	100%	450.000	885330	100%
	Сделана скидка			4367	
	Всего взыскано			880963 тугр.	

Примечание: В число обложенных 8.002 чел., подлежащих призыву на действительную военную службу, обложены в троекратном размере, в основном входят категории низших и средних лам.

Как видно из этой таблицы, центр тяжести военного налога падает на средних и высших лам - как по количеству привлеченных к обложению, так и по сумме налога, взысканной с них.

Чтобы показать насколько военный налог на ламство в той форме, в которой он проводился, не дал тех результатов, которые мы от него должны были ожидать, приведем следующую таблицу:

Всего лам	Учтено по Республике всего свыше 18 лет	Обложено военным налогом в возрасте от 18 до 45 лет	% отношения обложенных военным налогом в общем количестве
Высших лам	8.706	345	3,96%
Средних и низших лам	64,964	38,635	62,47%
Итого	70.670	39.030	-

Из этих цифр вытекает то, что военным налогом охвачено только 4% всего количества высших лам, в то время, как средние и низшие ламы, вместе взятые, охвачены военным налогом на 62,5 % по отношению к их общей численности.

Такое положение не разрешает ни в коей мере и объеме перенесения центра тяжести экономического нажима на высших лам, занимающих в монастырях господствующее положение.

Это будет еще более показательным, если сравним общую сумму доходов различных прослоек ламства, исключая молодежь до 18-летнего возраста. С суммой военного налога, взысканного в 1935 году:

Всего лам	Общ. сумма доходов высш. Лам по Респ., искл. прож. миниум молод. До 18 лет	Сумма взысканного военного налога	% отношение суммы военного налога к общей сумме доходов
Высшие ламы	7.898.900	25.410	0,33%
Средние и высшие ламы	14.498.450	855.553	5,9%
Итого	22.397.350 т.	880.963 т.	-

Как видно, по военному налогу мы изъяли только 0,3 % общей суммы доходов высших лам и 5,9 % доходов средних и низших лам.

Если же сравнить чистые доходы ламства за истекший год с суммой военного налога, изъятого от ламства в 1935 г. по отдельным прослойкам, то получим следующую картину:

Всего лам	Сумма чистых доходов	Сумма военного дохода изъятого в 35 г. от ламст.	% отнош. суммы военного налога к общей сумме доходов
Высшие ламы	4.638.528	25.410	0.56%
Средние ламы	8.455.000	703.80	8,33%
Низшие ламы	-	156.030	-

Примечание: доход низших лам является весьма незначительным и поэтому нами во внимание не принимается.

Эти цифры свидетельствуют о том, что высших лам этот налог коснулся в ничтожной степени, в то время, как средних лам этот налог коснулся значительно больше, а по низшим лама он ударил в еще более ощутительной форме.

Из всего вышеизложенного вытекает, что военный налог на ламство в 1935 г., не только не обеспечил политики дифференцированного подхода к вопросу об экономическом нажиме на ламство, а наоборот, ударил сильнее по тем прослойкам ламства (низшим и средним лама), по которым мы должны были бы меньше бить. В то же время этот экономический нажим почти не задел (сколько нибудь

серьезно) высшего ламства, против которого, собственно была направлена налоговая политика[1].

Анализ вышеприведенных цифр и таблиц приводит авторов этой аналитической работы к следующим практическим результатам, изложенных следующим образом: Мы уже указывали, что военный налог охватывает только лишь лиц призывного возраста от 18 до 45 лет.

Это значит, что основная масса высшего ламства, состоящего, как правило, из лиц пожилого и старческого возраста, не охватывается налоговым обложением, следовательно - выпадает из поля зрения нашего экономического нажима на ламство. Об этом говорит тот факт, что из 8.706 высших лам, состоящих у нас на учете, в 1936 г. обложено военным налогом только 345 человек.

Такое положение на практике ведет:

а/ К дальнейшему укреплению и усилению всего высшего ламства, следовательно - того самого «скрепляющего» и «цементирующего» все ламства слоя, который является наиболее враждебным Народно-революционной власти;

б/ К восстановлению «демократических», средних и низших слоев ламства - против народно-революционной власти, т.е. к таким процессам, которые политически нам совершенно невыгодны;

в/ К относительному ухудшению положения низшего и среднего ламства внутри монастыря и усилению его дальнейшего закабаления идеологически и экономически руководящей верхушкой;

г/ К ослаблению социальных противоречий между ламством - с одной стороны и средним и низшим ламством с другой стороны, поскольку позиции высшего ламства усиливаются.

Из всего этого следует, что ряд законов, направленных, якобы, на защиту среднего и в особенности низшего ламства от высшего, по сути дела бьют мимо цели, ибо одним только искривления налоговой политики все льготы, предоставляемые другими законами, если не сводятся на нет, то эффективное действие их чрезмерно ослабляется, конечно, мы при этом исходим не из абсолютных налоговых цифр, которые сами по себе не особенно значительны, а из политического эффекта, производимого совершенно неправильными методами налоговой политики.

Налоговая политика правительства МНР в отношении ламства в дальнейшем должна исходить из учета следующих обстоятельств:

а/ Общая сумма налогов на ламство не должна быть стремительно увеличена, чтобы не получилось «заскока» налогового нажима вперед по сравнению с другими мероприятиями. Но она не может быть оставлена такой, какова она в настоящее время. Общую сумму нужно довести, примерно, до 4.000.000 тугриков в 1936 году, что будет приемлемым;

б/ Должен быть установлен подоходно-поимущественный налог, которым должно облагаться все ламство / в особенности высшее/ независимо от возраста. Объектами обложения должны являться как доходы от скотоводческого хозяйства, так доходы от профессий / «эмчи» - врачи, «гурумчи», «аборалчи» и т.п./ и от должностей /монастырская администрация;

в/ Освободить часть низшего и среднего ламства занимающегося общественно-полезным трудом, от поимущественно-подоходного налога и распространить на все ставки обще-гражданского налога;

г/ Установить военный налог, которым охватить все ламство от18 до 45 л.;

д/ Установить дифференцированные ставки военного налога, однако с таким расчетом, чтобы низшая ставка военного налога была бы выше ставки общегражданского налога;

е/ Установить такой размер «джасского» налога, который был бы значительно меньше общей суммы индивидуально налога и действительно соответствовал размерам доходов от «джасс»[2].

Если в 1936 г. для борьбы с ламством разрабатывались жесткие экономические формы борьбы, то уже в 1937 г. положение резко обострилось.

В конце августа 1937 г. в Улан-Батор прибыл заместитель наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский С его именем связывают черный список на 115 человек, подозреваемых в «контрреволюционных заговорах». «Дела» шли одно за другим, страшные, непостижимые - «дело контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмида», «дело контрреволюционной организации высшего ламства» и т.д. Были расстреляны высшие церковные иерархи - Ензон хамба, Дэд хамба и другие[3].

Несколько концентрированных цифр характе-

'Там же. С. 106-107.
[2] Там же С. 108-109
[3] История Монголии. XX век. М, 2007. С. 104.

ризующих масштабы репрессий необходимо привести из отчета Советника министра внутренних дел МНР Голубчика Зам. Наркома внутренних дел Союза ССР комкору тов. Фриновскому, Полномочному представителю СССР в МНР тов. Миронову, от ...января 1938 г.

Это квалифицированная обзорная справка на 13 листах, из которой мы делаем небольшую выборку.

Автор пишет, что 1-ое января 1937 г. во всех монастырях МНР состояло 85018 лам.

Эта дамская армия составляла 23,7 % к общему количеству мужского населения страны.

К началу января 1937 г. сняли с себя духовный сан и перешли в светское состояние 16208 лам.

К отчетному числу, сокращение ламства значительно выше, т.к. одни только арестованные МВД с 15 декабря составляют 1500 человек.

Еще более разительна картина массового ухода лам из монастырей в худон, но не порвавших окончательно с ламством. С начала операций до 15 декабря, из монастырей ушли в худон 34869 лам, что составляет 50,7 % ко всему количеству лам.

Этот процесса перехода лам в светское состояние и массовое бегство из монастырей привели к опустению многих монастырей.

За отчетный период из 641 действовавших монастырей, 167 закрылось. Причем наиболее глубокий процесс разложения происходит в двух крайних группах монастырей: крупнейших, где процент закрывшихся составляет 44, и мелких, где процент закрывшихся составляет 34. По крупнейшим монастырям это объясняется тем, что на них был сосредоточен оперативный удар и в них больше всего велась разложенческая работа.

К числу сократившихся монастырей надо прибавить еще 58, отселяемых в настоящее время из погранполосы[1].

Этот отчет, на наш взгляд наиболее полно отражает репрессивный процесс борьбы против монгольского ламства в 30-х годах XXв., имеющий свою хронологическую градацию. Такими характерными методами боролись «правоохранительные органы» Советского Союза и Монголии с духовно-религиозным наследием предыдущего общества при проведении новой образовательной политики при выполнении задач культурной революции в отсталой аратской номадной стране.

© Дугаров В.Д., 2011
© Сагаев Н.Ц., 2011

[1] Архив ФСБ РФ по РБ. Дело № 509. С. 108-109.